

Пролог

ФАНАТ

От вида беспомощного человека в инвалидном кресле по спине бежали мурашки. Нет, в этом не было ничего физиологического или извращенного, но от понимания, кто именно был сейчас без сознания и в полной его власти, — он приходил в экстаз.

Он откатил инвалидное кресло на край бетонной террасы, развернул сидящего лицом к себе и опустился на скамейку напротив. Какие мысли пронеслись сейчас в этом дремавшем сознании? Хотелось спросить о тысяче вещей, и тайна человеческого мышления была лишь одной из них. По-настоящему завораживала возможность узнать, как мышление именно этого человека стало таким необычным.

А это сознание действительно было уникальным. Он поднял взгляд на звездное небо. Сириус выделялся яркой искрой среди миллионов звезд, которые сияли не так ярко, поскольку находились значительно дальше от земли. Он продолжал разглядывать небо, пока не нашел небольшую туманность, которая на самом деле была целой галактикой. Человек в кресле был похож на эту галактику — скопление сияющих солнц, видимое с огромного расстояния, — настолько особенным он был.

Если бы только было время поговорить, вступить во взаимодействие с этим интеллектом и сравнить себя

с ним. В этот момент он почувствовал грусть. Потому что уже знал результат такого сравнения. Да, этот человек был умен, чрезвычайно умен, и что? Вот он обездвижен в инвалидном кресле, без сознания и абсолютно беззащитен.

Голова сидящего свесилась набок, и в лунном свете была отчетливо видна сонная артерия. По какой-то случайной прихоти эволюции столь уязвимое место оказалось таким доступным. В кармане лежал скальпель. Чтобы вынуть его и оборвать жизнь неподвижного человека хватит нескольких секунд — он истечет кровью практически моментально, все глубже и глубже погружаясь в бессознательность, пока не уйдет насовсем.

Это будет безболезненная смерть. В некотором смысле человек уже был мертв. Его сознание — именно та часть, которая задавала вопросы, делала выводы, принимала решения и действовала, сейчас отсутствовала. Один небольшой надрез, и она уже никогда не вернется.

Он вынул скальпель и снял защитный чехол с лезвия. Чтобы проверить собственную силу воли, он приставил острие к шее неподвижного мужчины, лишь слегка надавив — недостаточно, чтобы прорезать кожу.

Да, он вполне мог это сделать. Даже усилия особого не понадобится — меньше, чем при рукопожатии. Одним движением ромбовидное лезвие прорежет кожу, эпидермис и стенки артерии. И вся кровь, которую сердце прокачивает, чтобы поддерживать работу мозга — этого мозга, — хлынет наружу. Но это оставит столько следов. И если его будут искать, то обязательно обнаружат следы ДНК, разве что сжечь тут все дотла.

Но это уже не важно. Если они придут... когда они придут, будет уже поздно. Не только для человека в кресле, для всех. План уже в действии. Поступок совершен.

Встреча с этим человеком была случайностью, неожиданным поворотом сюжета. Восхитительной кульминаци-

ей этого... Он даже не мог подобрать точного слова произошедшему. Но название обязательно появится, он был уверен. Они умеют придумывать имена трагедиям. И находить для них лица и символы.

Интересно, сколько им понадобится, чтобы узнать его лицо. Ясное дело, рано или поздно его бы вычислили, но что все произойдет именно так и настолько быстро, он не ожидал. Когда появился этот человек, ему показалось, что все стало известно. Но нет, тот был один. Потому что его ум двигался огромными скачками там, где другие еле ползли. И этот ум завел его сюда. Одного. Беспомощного и неподвижного.

Он надел чехол на лезвие и убрал в скальпель карман. Вместо этого достал из-за пояса пистолет. Отвратительное оружие, которое пришлось использовать лишь несколько раз. Трудно было вообразить более неподходящее орудие убийства. Он держал пистолет в раскрытых ладонях, словно Библию, и некоторое время смотрел на него, затем перевел взгляд на шевельнувшегося в кресле человека.

Скоро он придет в себя. Говорят, не стоит встречаться со своими кумирами. Очень неудобно получается, когда приходится их убивать.

Глава 1

ПОЛОНИЕЕВЫЙ ГАМБИТ

Я сижу в подвальном помещении посольства США в Москве, мужчина напротив меня откровенно нервничает. Его зовут Константин Коновалов, и его уже допросили сотрудники посольства и оперативники ЦРУ. Но это стандартная процедура для иностранных сотрудников посольства, я же для него загадка, и он не может оторвать взгляда от алюминиевого чемоданчика на столе. Коновалов уверен, что американцы не станут пытаться гражданина России в такой ситуации, по крайней мере, в этом его уверяли те, кто отправлял на задание и принимал отчеты.

В американском посольстве и связанных с ним зданиях более тысячи двухсот сотрудников, большинство из них россияне. Такое количество местных — одновременно рабочая необходимость и адская головная боль для спецслужб.

Коновалов — шпион. До некоторой степени все русские, работающие в посольстве, — шпионы. Нет, это не значит, что они все до единого работают на ФСБ или русскую разведку, но информацию в эти организации передают регулярно. С американцами в российском посольстве точно так же работают наши спецслужбы. Нынешняя ситуация отличается лишь тем, что мне нужно выяснить, убийца Коновалов или нет.

Шесть дней назад другой русский — Тимофей Артемьев — обратился к сотрудникам посольства с предложением информации в обмен на политическое убежище. Артемьев руководил небольшой компанией, разрабатывающей программное обеспечение. Заказы у них были в основном государственные. Фирма Артемьева разрабатывала боты для взлома компьютерных сетей. После того как ему третий раз запретили выехать на конференцию за рубеж, Артемьев понял, что его никогда не выпустят — он был слишком ценным кадром.

Он погиб четыре дня назад на одной из секретных квартир, был отравлен чем-то радиоактивным, скорее всего торием или полонием. Спецы из разведки провели предварительное расследование и определили чуть больше двадцати подозреваемых. Все они недавно были задержаны, но не больше чем через пару часов их придется отпустить, иначе разразится дипломатический скандал.

За это время нужно найти убийцу и заодно выяснить, кто же из посольских сдал расположение секретной квартиры, где прятался Артемьев. Конечно, на главного подозреваемого можно надавить, но если мы вдруг ошибемся, это плохо кончится.

Я не мастер допроса и даже не разведчик. Я ученый. Более того, я специалист в вычислительной биологии, который использует методы компьютерного моделирования для построения моделей биологических систем. Меня пригласили, чтобы я применил свой так называемый нетрадиционный подход.

— Мистер Коновалов, мне нужно будет взять несколько образцов, — говорю я, открывая чемоданчик.

— Вы — врач? — спрашивает он с легким акцентом.

— Просто техник, — я достаю несколько пробирок и ватные палочки. — Это займет лишь пару минут.

Я надеваю тонкие перчатки, поднимаюсь со своего места и подхожу к Коновалову. Он нервничает, но позво-

ляет мне взять мазок из уха. То, что я при этом еще взял волосок, он не замечает.

— Ну, вот практически и все. Образец слюны — плюньте вот в эту пробирку — и мы закончим.

Он выполняет мою просьбу скорее в замешательстве, чем обеспокоенно. Если это он убийца, то прекрасно понимает, что взятые мной образцы ничего не скажут о контакте с радиоактивными изотопами.

Анализ, который я провожу на самом деле, ему не заметен. Даже три анализа, если быть точным. В соседней комнате специалисты уставились в мониторы видеонаблюдения и следят за происходящим. На один из мониторов выводится картинка с тепловизионной камеры, она определяет температуру тела подозреваемого. Система на основе миллиметрового радара, встроенная в стол, отслеживает движения и кожные реакции. Я помещаю образец слюны в пробирку с реактивом, закупориваю и встряхиваю.

— Ищете в моей ДНК следы обезьяны? — шутит Коновалов.

— Нет, следы йода.

Препараты с йодом применяют при лечении лучевой болезни, а те, кому предстоит работать с радиоактивными материалами, принимают их профилактически. Жидкость в пробирке становится синей, и я делаю пометку в блокноте, изо всех сил стараясь не обращать внимания на реакцию Коновалова. Затем убираю пробирку.

— Спасибо, мистер Коновалов.

Он поднимается со стула и направляется к двери.

— Извините, еще один момент.

Его рука уже на дверной ручке. На лице отражается напряженная работа мысли. Если он убийца, то сейчас скорее всего решает, не пора ли попытаться сбежать.

Я поднимаю пробирку, жидкость в ней теперь красная.

— Присядьте, пожалуйста.

Наш убийца не поведется на блеф, если заметит какие-то несостыковки, поэтому сейчас мне нужно быть предельно осторожным. Я достаю из чемоданчика другую пару перчаток, черных с серебристым отливом. Зрачки Коновалова сужаются. Интересно. Это перчатки радиационной защиты. Более того, они произведены в России и куплены мной специально для этого момента.

Из чемоданчика я достаю и кладу на стол небольшую коробочку, на сломанной печати виднеется надпись: «Национальная лаборатория Оукридж».

— Нужно взять еще образец кожи, — говорю я, доставая из коробочки миниатюрную иглу.

Коновалов бледнеет. Это не боязнь уколов, а страх смерти. Тот, кто убил Артемьева, сделал это примерно такой же иглой и прекрасно знает, что в Оукридже производят радиоактивные компоненты. Я встаю и направляюсь к Коновалову.

— Нет! Прекратите! — кричит он.

Я не спешу к нему приближаться. Скорее всего именно он убийца и наверняка прекрасно владеет боевыми искусствами.

Дверь распахивается, и в комнату входят двое морских пехотинцев, а за ними Чарльз Каман, глава службы безопасности посольства.

— Константин, давай продолжим разговор в моем кабинете, — говорит он спокойно.

Коновалова уводят куда-то, где его допросят, возможно, будут угрожать или подкупят. Я выкидываю пробирку в мусорку и собираю реквизит. Рид Стэнворт, непосредственный помощник регионального шефа ЦРУ, входит в комнату и садится на стул, с которого только что вскочил Коновалов.

— Отличное шоу, просто отличное!

Рид работает в посольстве под прикрытием. Официально он отвечает за освещение посольской деятельности в соцсетях. По виду он эдакий классический братишка из Южной Калифорнии, но я подозреваю, что это только образ.

— Дальше видно будет, — отвечаю я.

— Остальных можем отпустить?

Я пролистываю папку с досье.

— Хорошо бы еще проверить Изольду Ершову, у нее тоже реакции сильно выбиваются из средних показателей.

— Рыженькая? — Рид беззаботно качает головой. — Это вряд ли. У нее отец погиб на подлодке «Курск», и с тех пор она власти не любит. Но на роль шпиона она подходит меньше всех.

— И вам это не кажется подозрительным само по себе?

— Нет, так это не работает, — качает он головой. — Есть куча вещей, которые мы проверяем, характерные признаки, которые ищем.

— Ну, конечно, а русские об этом ничего не знают, да? Если бы я пытался заслать штатного разведчика, а не рядового информатора, то уж постарался бы, чтобы у него эти характерные признаки были как у самого невинного из невинных. А еще узнал бы, какие типажи будут для конкретного сотрудника отдела кадров наиболее привлекательными.

Манера Рида меняется — беззаботность исчезает, а глаза сужаются, как недавно у Коновалова. Он опускает взгляд и понимает, что в буквальном смысле сидит на детекторе лжи — системе, которая измеряет психофизиологические реакции. Насколько я знаю, Рид не двойной агент, просто он некомпетентен, что ничуть не лучше. Из-за его безалаберности Коновалова и Ершову взяли на работу в посольство, что в свою очередь привело к смерти человека, который мог встать на нашу сторону в нынешние непростые времена после холодной войны.

Открывается дверь, и в комнату возвращается Чарльз Каман.

— Рид, похоже, нам надо поговорить.

— Да кто ты такой, мать твою? — бросает тот, сверля меня злобным взглядом.

— Просто ученый.

По крайней мере, так я говорю сам себе каждый день.

Глава 2

ПРИЛЕТ

Я выхожу из самолета в Атланте и направляюсь к центру зала прилетов, стараясь заставить тело адаптироваться к новому часовому поясу. Путешествия меня особо не напрягают, а вот попытка привыкнуть к новому месту — да. Во время своей командировки я пытался приглядывать за лабораторией по мере возможности, но все равно основная часть обязанностей по контролю легла на офис-менеджера Шейлу.

Мы созвонились во время полета, и она рассказала мне о текущей ситуации. Сейчас мы в самом разгаре работы над проектом, который, как мы надеемся, позволит определить, где человек — ну, террорист — побывал за последние несколько дней, проанализировав штаммы бактерий из его кишечника.

И единственное, что меня во всем этом беспокоит, — наш покровитель. Генерал Фигероа — человек с благими намерениями, но уж очень упорный, и со всем своим упорством он пытается заставить меня придумать технологию поиска «гена террориста». И хотя я нашел по крайней мере одну общую черту в исследованных геномах, это столь же значимый факт, что и наличие сходных генов у профессиональных футболистов. У огромного количе-

ства людей тоже есть эти гены, но они не играют в футбол... и не надевают пояс шахида.

В страшных снах мне видится, как разработанную технологию применяют, чтобы арестовывать случайных выходцев с Ближнего Востока на том лишь основании, что у них «подозрительный» генетический профиль.

— Скажи генералу, что мы еще не закончили технико-экономическое обоснование.

— На самом деле Тодд держит это на контроле.

Мысль о том, что такая важная тема была на контроле у моего заместителя, заставила меня занервничать. Конечно, Тодд Поуг был в курсе моей позиции по этому вопросу — не хватало еще, чтобы в моей же лаборатории родилась очередная безумная схема убийства на основе научных методов. Наука должна спасать жизни, а не отнимать.

Однажды на собрании я высмеял научную статью, в которой предлагалось устанавливать ДНК-сканеры на ударные беспилотники, чтобы определять личности уничтоженных террористов.

«А если выяснится, что на куски разнесли ни в чем не повинных людей, эти умники, наверное, предложат использовать эти ДНК, чтобы воскресить убитых, да?»

Среди собравшихся послышались нервные смешки. Когда же я просмотрел список имен под статьей, то обнаружил там доктора Т. Поуга — моего зама.

Кроме того, Шейла сообщила, что со мной снова пытались связаться из ФБР. Впрочем, новостью это можно было назвать с трудом. Запросы на встречи поступали регулярно, но серьезное внимание на них я обращал, только когда появлялись слова «судебное требование».

— Эй, путешественник! — слышу я знакомый голос, когда вхожу в ресторан «Экко», расположенный в терминале. Я сажусь за столик, где уже сидит Джиллиан, —

женщина, которая не только терпит мое присутствие рядом, но и спасла мне жизнь, буквально.

Мы договорились о встрече здесь, как только я вышел из посольства в Москве. Она планировала поездку к родителям погибшего мужа в Монтане, когда меня внезапно вызвали и пришлось уезжать прямо среди ночи. Джиллиан уже привыкла к таким резким сменам планов и мы, как можем, пытаемся жить с этим. В основном я, конечно, работаю в лаборатории в Остине, но и там часто приходится пропадать сутками. Чтобы хоть как-то уменьшить нагрузку, я нанял Тодда Поуга своим заместителем, или скорее мне навязали его из Пентагона. Он оказался формалистом, и последнее время мне кажется, что я провожу больше времени в разрешении конфликтов между Тоддом и другими сотрудниками, чем в реальных исследованиях. А ведь по идее именно я самый конфликтный человек в этой компании.

Я беру ее бокал и делаю глоток. Джиллиан накрывает мою руку своей, когда я ставлю бокал обратно на стол. Вот такие моменты позволяют мне сохранять почву под ногами. Джиллиан понимает больше, чем когда-либо смогу понять я сам. Она успела повоевать, потерять мужа и смогла выжить в той жуткой истории, в которой мы оказались, когда один из самых жестоких и изощренных серийных убийц пытался убить ее, чтобы заманить меня в ловушку. Когда на вечеринках другие пары начинают делиться скучными историями, как они провели отпуск, Джиллиан обожает говорить: «А помнишь, Тео, как мы чуть не погибли в той истории с Гризли-Убийцей*?»

У нас похожее мрачноватое чувство юмора. При этом она научилась нормально взаимодействовать со мной, когда я в режиме, который Джиллиан называет «Робо-

* История про Гризли-Убийцу рассказана в первой книге серии. *Э. Мейн. Охотник. М., Изд-во АСТ, 2019.*